

лю, что ему следует обойтись с тобой по справедливости. И я уверен, что он тебе не откажет. Ведь со справедливостью шутить опасно».

Милорд король, после такой речи на душе у меня полегчало, и я с радостью отправился к тебе во дворец, чтобы рассказать всю правду. Если кто-либо еще желает предъявить мне обвинения, подкрепленные доказательствами и подтвержденные свидетелями, как то установлено между благородными людьми, я готов их выслушать и защищать себя согласно закону. А если одних объяснений недостаточно, назначь время и место для поединка. Противник, разумеется, должен быть равен мне по происхождению. И тогда на поле брани решится, на чьей стороне истина. Это законное право каждого, и я не хочу, чтобы по моей вине оно нарушалось. Закон и право еще никому не приносили вреда».

Все звери, собравшиеся при дворе, богатые и бедные, слушали смелые речи Лиса, замерев от изумления. Кролик Лапрель и Ворон дрожали от страха и боялись и слово сказать. Они стали потихоньку выбираться из толпы и, только отойдя на достаточное расстояние, решились заговорить:

«Господи прости, этот подлый убийца все повернул в свою сторону. Так хитро представил дело, будто он и есть чистый праведник. А у нас и свидетелей нет. Поэтому лучше убраться отсюда подобру-поздорову, чем затевать с ним драку. Каков хитрец! Да будь таких, как мы, хоть десяток, он и с десятком легко расправится».

Волк Изегрим и Медведь Брюн совсем пали духом, когда увидели, что эти двое уходят.

«Есть ли еще у кого-нибудь жалобы? – обратился к собравшимся король. – Прошу вас, говорите, мы всех выслушаем. Вчера было много желающих. Говорите, Рейнард здесь».

«Милорд, – сказал Рейнард, – среди жалобщиков много таких, кто боится смотреть противнику в лицо. При виде его они тотчас же замолкают. Смотри же, Кролик Лапрель и Ворон Корбант жаловались тебе вчера в мое отсутствие, а где они теперь? Сбежали! И боятся повторить свои же слова. А если мы станем верить ложным наветам, от этого выйдет только один вред добрым гражданам. Хотя мне, в общем, все равно: если бы они, повинувшись твоей воле, попросили бы у меня прощения, я бы, ради твоего блага, их простил, хотя они и согрешили против меня. Ведь у меня милосердная душа, и я не держу зла на своих врагов, ибо все в руках Божьих и Ему виднее, кого наказывать, а кого миловать».

«Рейнард, – обратился к нему король, – когда ты говорил, ты выглядел рассерженным. Ты и на самом деле разгневан или просто притворяешься? Не скажу, что ты убедил меня своими речами, все не так ясно и не так просто, как ты нам представил. Скажу тебе, это меня разгневало больше всего, и это может стоить тебе чести и жизни. Ты совершил величайшее преступление. Когда я даровал тебе свое прощение за все твои прежние грехи, ты сказал, что собираешься за море на богомолье. Я вручил тебе посох и суму, а ты спустя недолгое время прислал мне с Бараном Беллином эту котомку назад, а в ней была голова Зайца Киварта. Как ты решился на столь гнусное преступление, как осмелился нанести мне такое тяжкое оскорбление? Послать господину голову его вассала – разве это не тягчайшее из преступлений? И теперь тебе не отпереться, потому что мы знаем, как в действительности было дело, от Барана Беллина, нашего бывшего капеллана. И тебя ожидает такая же награда, какую ты уготовил для него, когда послал его сюда со своим поручением. Есть на земле справедливость».

Рейнард не на шутку перепугался, фантазия его истошилась, и он не знал, что сказать. С несчастным видом он огляделся и увидел множество своих близких и знакомых, они слышали его рассказ, но не произнесли ни звука. Он сделался бледен, но никто не протянул ему руку помощи.

«Почему ты молчишь, хитрый лгун и злодей? – сказал король. – Или онемел от страха?»

Лиса охватил ужас, он громко вздохнул, и все услышали этот вздох. Волк и Медведь вновь воспрянули духом.

Как госпожа Рюкенейв защищала Лиса перед королем

Все происходящее не слишком радовало госпожу Рюкенейв Обезьяну, тетушку Рейнарда. Она пользовалась благорасположением королевы, и Рейнард очень повезло, что она оказалась в этот раз во дворце, потому что она была умна, красноречива и все ее любили.